

Роман Полански: Был бы русским — поставил бы «Войну и мир»

— Почему вы решили экранизировать "Клуб Дюма" Артура Переса-Реверте?

— Мне показалась гениальной идея снять фильм о книге. Я не помню ни одного фильма, где главным героем оказывалась бы книга. Иногда важным героем фильма оказывалось какое-то место. Или иной физический объект. Но книга — никогда. И еще мне очень понравилась загадка, которую должен разрешить герой фильма. В ней есть что-то от старой доброй мозаики, ее нужно сложить кусочек за кусочком. Обычно в фильмах подобного жанра такими "кусочками" становятся встречи героя с различными людьми. Он проходит определенный путь, и в конце его ждет разгадка. Здесь он должен соединить физические объекты. Иллюстрации, найденными им в разных книгах. Я, режиссер, могу показать на экране их сцепление. Именно это понравилось мне больше всего. Впервые принципиально важную роль в фильме играют кадры-вклейки. Без них фильм был бы совершенно непонятен.

— Вы коллекционируете старинные книги?

— Нет. У меня есть несколько старинных книг, мне их подарили, но на коллекционирование у меня нет ни денег, ни времени.

— Помимо персонажа-книги в "Девятих вратах", есть еще один необычный персонаж — сам дьявол.

— Мне показалось интересно показать дьявола в облике обычного человека. Человека, который может оказаться милым и обаятельным — но не из-за своих дьявольских способностей, а из-за чисто человеческих качеств.

— Вы впервые показали дьявола во плоти. Раньше он часто присутствовал в ваших фильмах — но незримо.

— Да, мне неплохо удается дьявольское. Только что я вернулся из Вены, где два года назад ставил на сцене "Бал вампиров". Это музыкальная комедия, она уже два сезона идет там с огромным успехом. Вчера я был на представлении с моей женой Эмманюэль Сенье, и она мне сказала: "Знаешь, тебе действительно лучше всего удаются истории про вампиров, дьявола и прочие темные стороны жизни". Мне было смешно.

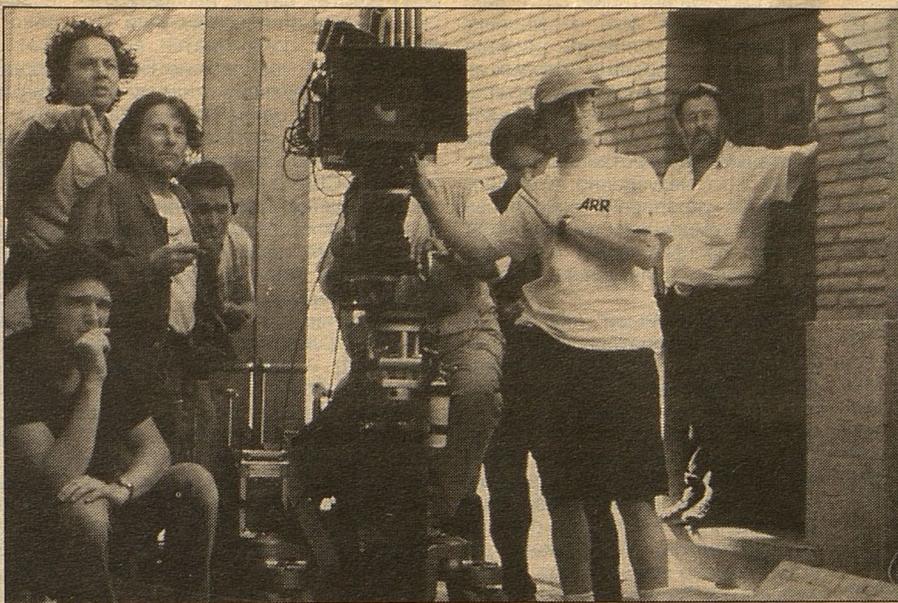
— А если серьезно?

— Это замечательный сюжет — и для театра, и для литературы, и, разумеется, для кино. Дьявол и вампиры — это одно и то же. Это заражение злом. Почему люди так любят эту тему? Почему люди ходят смотреть этот спектакль? Потому что это доставляет им удовольствие. Особенно когда это показывается с юмором. Я не могу точно сказать, почему зло так интригует людей — но это пользуется успехом. Возможно, люди заговаривают собственные страхи. Возможно, это помогает им провентилировать мозги и вычистить из подсознания страх перед сверхъестественным.

— А вас лично интригует дьявол как персонаж?

— Совсем нет! Я никогда в него не верил. Наверное, сейчас я выгляжу немного глупо... сделал карьеру на дьявольщине, а сам в дьявола не верю. Но что поделаться? В оправдание могу сказать только одно: я нико-

Мистический триллер "Девятые врата" по роману Артура Переса-Реверте, вышедший на экраны Франции в конце августа, стал первой работой Романа Поланского за три года. Фильм рассказывает о букинисте (Джонни Депп), который приезжает в Париж в поисках антикварной книги. Он проводит настоящее расследование в форме лабиринта, а в конце его, возможно, ждет сам дьявол.

гда не смог бы снять серьезный фильм о дьяволе.

— А "Ребенок Розмари"?

— Знаете, я получил огромное удовольствие, снимая "Ребенка Розмари", но во время съемок я боялся только одного — что меня примут всерьез. Именно поэтому я старался подчеркнуть двусмысленность каждой сцены. Зритель все время должен был сомневаться. А вдруг Розмари просто сошла с ума и дьявол существует только в ее воображении? Именно поэтому я не показываю в конце ее ребенка. Я показываю только глаза Розмари. Ее взгляд — квинтэссенция ужасов. В нем гораздо больше кошмаров, чем в окружающей ее действительности.

— Вы видите внутреннюю связь между "Ребенком Розмари" и "Девятими вратами"?

— Нет. Единственная сцена, которая по духу сильно напоминает мне "Ребенка Розмари" — это когда Дин Корсо, которого играет Джонни Депп, сравнивает две гравюры, на первый взгляд совершенно одинаковые, и впервые замечает, что между ними есть разница. Когда я писал эту сцену и когда я впоследствии ее снимал, мне вспоминался момент, когда Розмари играет в скрэббл и обнаруживает имя дьявола. Я знал, что в этот момент зритель почувствует такое же волнение пополам с ужасом.

— Вам не кажется, что "Девятые врата" были бы совершенно иными, если бы вы не поставили в свое время "Ребенка Розмари"? Вы можете, например, представить себе, что два этих фильма поменялись в вашей фильмографии местами?

— Да, разумеется. Думаю, в этом случае оба фильма получились бы хуже. В эпоху "Ребенка Розмари" я еще сохранял остатки невинности, сегодня ее не осталось. Если бы я снимал "Ребенка Розмари" сегодня, я бы наверняка подошел к делу гораздо серьезнее. Искал бы алиби для оправдания всего предприятая. А если бы я снимал в 60-е годы "Девятые врата", мне не хватило бы утонченности.

— В начале съемок вы говорили, что "Девятые врата" располагаются где-то посередине между "Ребенком Розмари" и "Китайским кварталом". Вам с самого начала хотелось сделать фильм именно в таком тоне, или вас вынудили параметры романа?

— Хотел бы я знать, откуда приходят ко мне мои идеи. Честно говоря, не знаю, что вам ответить. Но зато могу сказать, что давно уже искал проект, затрагивающий меня лично. Мне нравится снимать фильмы, которые заинтересовали бы меня как зрителя. "Девятые врата" — как раз такой случай. Я снял этот фильм в первую очередь потому, что мне хотелось его посмотреть. Конечно, мне хотелось бы снять фильм о чем-то очень важном и значительном, фильме, который затронул бы мою душу — но я не нахожу подходящей темы и подходящего сюжета.

— И давно вы испытываете такое раздвоение?

— Скажем так — оно возникло давно и с годами усиливается, потому что я знаю, что мне остается все меньше и меньше времени на реализацию того, что я мог бы назвать моим фильмом. Думаю, что на сегодняшний день я еще не снял такого фильма.

— Когда вы впервые почувствовали эту потребность — снять не просто очередной фильм, а итоговый?

— Я почувствовал это вскоре после того как снял свой первый полнометражный фильм "Нож в воде". Этот проект я с самого начала хотел сделать, он полно-

стью отражал мои взгляды на тот момент. И он был очень крепко завязан на место и время действия — послевоенную Польшу. Не в смысле бытовой привязки, а по мироощущению. Я делал этот фильм, не задавая себе никаких вопросов. А потом мне приходилось выбирать проекты, руководствуясь откровенно говоря мне возмущающими меня возможностями.

Фильмы интересовали меня в момент их создания, и я испытывал удовольствие, когда работал над ними. Но среди них не было ни одного, который я мог бы назвать моим фильмом.

— Что же мешает вам сегодня снять ваш фильм?

— Наверное, отсутствие мужества.

— Каким вы представляете себе этот фильм?

— Возможно, его сюжет будет связан с моей личной жизнью. С моим детством во время войны или взрослением после войны. Но не исключено, что это будет экранизация литературного произведения, не имеющего никакого отношения к моей жизни, но говорящего о вещах, с которыми я могу полностью согласиться, и героях, с которыми я могу полностью идентифицироваться. Если бы я был русским, моим главным фильмом могла бы стать "Война и мир".

— Но вместе с тем, если рассмотреть ваши фильмы в совокупности, в них можно проследить некое единство и общий стиль.

— Стиль? Ну, надеюсь. Поймите, сказанное мною вовсе не означает, что мне не нравятся мои старые фильмы. Наоборот! Не хочу хвастаться, но мне кажется, что мои старые ленты в целом неплохо сработаны. Но в них чего-то не хватает. Главное почему-то всегда остается за кадром.

— Но вы снимаете кино с прежним удовольствием?

— Удовольствие от режиссуры эволюционирует. Это как в сексе. Со временем ты начинаешь компенсировать некоторую усталость таким преимуществом, как утонченность. Главное — сохранить в душе страсть, а страсть к кино во мне не убывает.

— Ваши фильмы говорят о вас достаточно красноречиво.

— Ну, разумеется — ведь это я их снял! Даже рисунки, которые вы бессознательно рисуете, говоря по телефону, отражают ваше "я". И тем более — проект, отнимающий у вас несколько лет жизни. Но я не люблю анализировать. Есть ли смысл просить поэта проанализировать его стихи? Но одно я знаю точно: режиссер не может спрятаться за фильмом. Если он дурак, это видно уже с титров.

— Сильно ли отличаются ваши фильмы от того, какими вы их задумывали?

— Самая главная трудность кинопроцесса — сохранить тот фильм, который был у вас в голове перед началом съемок. Когда вы начинаете снимать фильм, ваше воображение спотыкается о реальность, и вы вынуждены чем-то жертвовать. Вы создаете мир, он в той или иной степени соотносится с вашими идеями. И чем дальше вы снимаете, тем сильнее этот мир заявляет о себе и уходит в сторону от первоначально задуманного.

— Наверное, труднее всего приходится режиссеру на стадии работы с актерами?

— Если вы хотите поговорить о Траволте — без комментариев.

— А если в общем и целом?

— Конечно, дальше всего отходишь от своей модели на актерской стадии. В лучшем случае удается найти исполнителя, который соответствует герою процентов на 90. Например, профессор в "Бале вампиров", которого сыграл Джек МакГоврэн. Я знал актера и писал роль специально для него. Но бывает и наоборот. Например, Миа Ферроу сначала казалась мне совершенно не подходящей на роль Розмари. В книге героиня описывается здоровенной, сильной девушкой — типичной калифорнийской блондинкой. Миа совершенно иная, но иногда так случается — актер увлекает за собой режиссера, и все получается великолепно. Точно такой же случай — с Джонни Деппом в "Девятих вратах".

— У вас есть новые проекты?

— Мне хотелось бы снять музыкальную комедию. Конечно, такой проект вряд ли может претендовать на звание моего фильма.

Мишель БАЙЕН

9.99

Полански Роман

Экран и сцена. —

- 413.